

**П. Л. Калмыков, Ю. Ю. Завражный**  
**ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ БОЙ В ДНЕВНИКЕ ДЖОРДЖА ИНСКИПА,**  
**ШТУРМАНА ПАРОХОДА «ВИРАГО»**

Петропавловский бой 1854 г. глазами участника, британского штурмана. Публикуется на русском языке впервые. Уточняет повременные позиции кораблей англо-французской эскадры и ход событий; передаёт потрясение и горечь самонадеянного агрессора, столкнувшегося с несокрушимой стойкостью защитников Петропавловского Порта.

**Ключевые слова:** Крымская война на Дальнем Востоке, 1854 год, осада Петропавловска, первоисточник, Джордж Гастингс Инскип.

**P. E. Kalmykov, Yu. Yu. Zavrzhny**  
**THE BATTLE OF PETROPAVLOVSK IN THE JOURNAL OF GEORGE INSKIP,**  
**MASTER OF H. M. STEAMSHIP «VIRAGO»**

The Battle of Petropavlovsk in 1854 through the eyes of a participant, a British navigator. Published in Russian for the first time. Specifies the time-by-time positions of the ships of the Anglo-French squadron and the entire course of events; conveys the shock and bitterness of the arrogant aggressor who encountered the indestructible fortitude of the defenders of the Petropavlovsk.

**Keywords:** Crimean War on the Far East, 1854, siege of Petropavlski (Petropavlovsk), original source, George Hastings Inskip.

Штурман Джордж Гастингс Инскип (George Hastings Inskip, 1823–1915) служил в основном на исследовательских кораблях Королевского флота и занимался картографированием берегов. В 1851–1855 гг. его кораблём был «Вираго», колёсный паровой шлюп, который в 1854 г. в составе англо-французской эскадры атаковал тихоокеанский форпост России – Петропавловский порт. Дневник Джорджа Инскипа («Private Remark Book») [1], ведённый им на «Вираго», ныне хранится в Архиве Британской Колумбии (г. Виктория, Канада) под шифром MS-0805; микрофильм с него – в Королевском военно-морском музее в Гринвиче (MRF/157), откуда и получил копию наш английский соратник Энди Тэшнер. На расшифровку интересующих страниц текста ушли месяцы: хотя почерк штурмана ровен и аккуратен, дело стопорили навигационные термины и сокращения, то и дело отсылая переводчиков к словарям, книгам и картам.

Для штурмана первую важность имеет положение корабля, береговые ориентиры, глубины, ветры, течения. Разумеется, такого ценного специалиста не послали с ружьём на берег; высадку десанта Инскип описывает взглядом с моря, и если он неточен в деталях, то живо передаёт эмоции от сокрушительного поражения.

Несколько необходимых пояснений к переводу.

Местоимением «мы» штурман по традиции обозначает свой корабль «Вираго».

Температуры для удобства переведены в градусы Цельсия (в оригинале – Фаренгейта), а время суток – в 24-часовой формат (в оригинале – 12-часовой).

$\varphi_o$ ,  $\lambda_o$  – широта и долгота обсервованные (т. е. определённые по светилам и направлениям на береговые ориентиры).

$\varphi_c$ ,  $\lambda_c$  – широта и долгота счислимые (т. е. рассчитанные по карте с учётом курса, пройденного расстояния, ветра и течения за отсутствием видимых ориентиров).

Стороны света: норд (север), ост (восток), зюйд (юг), вест (запад). Буквенные их обозначения оставлены английские (N, E, S, W), что соответствует и современной морской практике.

Пояснения и примечания переводчиков по ходу текста – в квадратных скобках курсивом [вот так].

Русские номера батарей даны в соответствии с рапортом В. С. Завойко.

Корабельные и морские термины оставлены без пояснений: их значение легко найти в онлайн-словарях.

К дневнику Дж. Г. Инскипа приложен план атаки Петропавловского порта, и текст неоднократно отсылает к нему читателя. Найти этот план можно в сетевой версии книги Ю. Завражного по ссылке [2].

И теперь слово Джорджу Гастингсу Инскипу, штурману британского военного парохода «Вираго».

## 20 августа 1854 г., воскресенье

Из Гонолулу к Авачинской губе.

Утонул моряк с «Президента». Устойчивый зюйд-ост, погода вполне хорошая.

$\varphi_0 = 49^{\circ}54'N$ ,  $\lambda_0 = 168^{\circ}22'W$ . Курс N68W, расстояние [пройденное за сутки] 70 миль, течение [снос за сутки] S26W 10 миль. Мыс Гаварея [находится в направлении] N63W в 326 милях. [Гаварея – Gavareah – он же мыс Поворотный – южная граница Авачинского залива].

В 14.25, когда «Президент» [британский флагманский фрегат] брал рифы на марселях, грота-марсовый старшина упал с рея с подветренного борта. С обоих кораблей тут же были брошены спасательные буи, спущена гичка, но несчастный был бездвижен, и через 3–4 минуты после падения он пошёл ко дну на наших глазах. Помощь не медлила, но судьба решила иначе, призвав эту душу на Высший суд.

Всю ночь ветер свежий. Барометры [анероид и симпиезометр] 30,12 и 30,25, термометр  $55^{\circ}[12,7^{\circ}C]$ . Склонение по азимуту  $4^{\circ}E$ .

## 21 августа, понедельник

В ночную вахту ветер умеренный, по-прежнему SW.

В 01.30 пополудни волнение усилилось; правый буксирный трос оборвался и болтается в кильватере за нашей кормой. В 06.00 подали 9-дюймовый трос взамен оборвавшегося. Погода очень хорошая.

[«Вираго» разводил пары только для маневрирования у берегов, а океанские расстояния преодолевал под парусами. Чтобы пароход не отставал от эскадры, фрегат «Президент» тянул его на буксире; буксир то и дело рвался].

$\varphi_0 = 51^{\circ}12'N$ ,  $\lambda_0 = 164^{\circ}18'W$ . Курс и расстояние N45W 112 миль, течение S70W 3 мили. Мыс Гаварея N71W 221 миля.

Ветер к вечеру ослаб; лёг туман, как обычно. Барометры 29,95 и 30,20, термометр  $12,8^{\circ}C$ .

## 22 августа, вторник

Всю ночь лёгкий зюйд-вест и сильный туман. В 07.00 начало штиль.

В 11.00 нас посетил адмирал, затем отправился на борт «Пика» [британского фрегата].

В 11.30 пришлось задействовать все катера, чтобы отбуксировать «Вираго» за корму «Президента».

Солнце скрылось.  $\varphi_0 = 51^{\circ}52'N$ ,  $\lambda_0 = 162^{\circ}50'W$ . Курс и расстояние N53W 70 миль, мыс Гаварея N79W 156 миль. [Пополудни] лёгкий зюйд по-немного отходит на ост и свежеет, по-прежнему

му туман. Барометры 29,97 и 30,18, термометр  $13,3^{\circ}C$ .

## 23 августа, среда

Устойчивый зюйд, но до полудня туман и дождь.

$\varphi_c = 52^{\circ}16'N$ ,  $\lambda_c = 160^{\circ}57'E$ . Курс и расстояние N74W 72 мили, мыс Гаварея N85W 86 миль. Ветер постепенно слабел.

В 22.30 «Президент» отдал наш буксир.

К 23.00 штиль.

## 24 августа, четверг

После полуночи штиль, дождь; с 04.00 лёгкий ост.

В 10.40 «Президент» взял нас на буксир.

Ветер свежеет, дождь. Замечена рябь на воде, как от сильного течения.

$\varphi_c = 52^{\circ}18'N$ ,  $\lambda_c = 159^{\circ}43'E$ . Мыс Гаварея N84W 40 миль. Волнение и ветер усиливаются.

В 16.30 правый буксирный трос оборвался; идём сами.

В 17.40 взяты вторые рифы, поставлен фок. Ост-норд-ост дует почти прямо в берег, пасмурно и дождь; эскадра отдалается от берега, «Вираго» хорошо держит своё место.

Барометры 30,0 и 30,20, термометр  $14,4^{\circ}C$ . Ветер по-прежнему сильный.

## 25 августа, пятница

Ветер и погода прежние.

В 05.00 повернули на норд.

$\varphi_0 = 51^{\circ}54'N$  (по высотам светил),  $\lambda_c = 159^{\circ}44'E$  (по хронометру). Течение N42W 18 миль. Мыс Гаварея N55W 49 миль.

Около 17.00 к эскадре примкнула «Эвридика» [французский корвет], потерявшаяся в тумане 15 августа.

В 17.15 повернули.

Норд-ост, погода скверная. Барометры 30,06 и 30,40, термометр  $11,1^{\circ}C$ .

## 26 августа, суббота

В 05.00 повернули.

Ветер норд-норд-ост, свежеющий до крепкого, к полудню с дождём. Солнца нет.

$\varphi = 52^{\circ}N$ ,  $\lambda = 159^{\circ}44'E$ . Мыс Гаварея N61W 46 миль.

Ветер норд-ост; мерзко, мокро, противно.

Барометры 29,93 и 30,10, термометр  $11,7^{\circ}C$ .

## 27 августа, воскресенье

Ветер зюйд-вест, прежних качеств.

В 05.00 повернули. Солнца нет.

$\varphi = 51^{\circ}49'N$ ,  $\lambda = 159^{\circ}44'E$ . Мыс Гаварея N61W 46 миль. [Т. е. сутки эскадра топталась на месте, не имея ориентиров].

В 13.30 немного прояснилось, и мы увидели землю – высокую и по виду обрывистую, примерно в 15 милях; это значит, что мы находимся к весту от счислимой точки и, полагаю, к норду. Не знаю, какая это часть берега, но полагаю, что несколько миль к норду от мыса Гаварея. В 15.00 вершины суши пеленгуются на SW $\frac{1}{2}$ W и WtN.

### 28 августа, понедельник

Всю ночь лёгкий норд-ост с ливнем, пасмурно.

В 08.00 снова увидели землю: погода прояснилась, и земля была видна намного лучше. Вершины все ещё укутаны облаками.

В полдень  $\varphi = 52^{\circ}36'N$ , Глинистый утёс [Clay cliff – мыс Опасный] на NW $\frac{3}{4}$ W. Повернули к флагманам.

В 12.30 мы были примерно в 7 милях от суши и в 15 милях к норду от мыса Гаварея [Поворотного]. Наш адмирал [Д. Прайс], командиры «Пика» [Ф. Николсон] и «Эвридики» [П. де Ла Грандьер] и секретарь поднялись к нам на борт; вскоре после этого мы направились ко входу в Авачинскую губу, лежавшую на норд-тень-вест примерно в 22 милях.

Горы были все ещё скрыты, но берег к норду от мыса Гаварея выглядел крутым и обрывистым, понижаясь в одном-двух местах. Был виден Глинистый утёс, указанный на карте, и остров Старичков.

В 15.45 мы были на траверзе Маячного утёса, где увидели сигнальный пост, усердно телеграфировавший на пост Бабушкина мыса [ныне м. Угловой], и пушку – вероятно, для подачи сигналов в тумане или ночью. Высота утёса, на котором она находится, полагаю, 600–700 футов; противолежащий берег также высок и крут. Братья – три вертикальные скалы, стоящие на некотором расстоянии от фарватера и ближе к Маячному утёсу. Дно в проливе между утёсом и Братьями заросшее [скально-каменистое, заросшее водорослями, т. е. плохое для якорной стоянки], также и к зюйд-осту от утёса на несколько миль, на что указывает карта, которую мы нашли весьма точной. Мы видели буруны на подводных камнях между Братьями и мысом Пиннакл-Пойнт [ныне м. Вилкова], а также на рифе Станицкого. Изменный камень – маленький островок. В одноимённой бухте мы заметили хижину [рыбный балаган]. Люди на Бабушкином сигнальном посту передавали сообщения на Раковый мыс, а те передавали в город.

Промеры соответствовали карте. Когда мы поравнялись с сигнальным постом Ракового мыса, нам открылся Петропавловский, с виду большой городок [Petro-paulovski – от названий города «Петропавловский острог» и «Петропавловский порт»]. Мы увидели фрегат [«Аврора»] и корвет [транспорт «Двина»], стоящие во внутренней гавани разоружёнными [т. е. со снятым рангоутом и такелажем], их бортовые пушки прикрывали подход к гавани. Также в гавани стояли суда – американское [бриг «Нобль»] и бременское [барк «Магдалена», Гамбург].

5-пушечная батарея с расчётами наготове на Сигнальном мысу (что завершает полуостров, формирующий внешнюю часть гавани). [Signal Point – Инскип называет мыс именно Сигнальным, а не мысом Шахова, как французы.] Большая 11-пушечная батарея, почти неприступная, занимала часть длинной косы, формирующей внутреннюю гавань и соединяющейся с материком. Ещё одна 5-пушечная батарея – на перешейке напротив вышеупомянутой косы, её орудия обращены в губу, в направлении вест.

[«Вираго» шла не напрямую к Раковой отмели и входу в порт, а курсом примерно на нынешнюю Сероглазку или даже на Моховую, иначе им не удалось бы увидеть батарею на Лаперузовом перешейке.]

Мы шли под парами, пока не приблизились к Раковой мели (буй на ней был снят) [Раковую отмель оставили примерно в миле к осту], адмирал удовлетворился увиденным. Было уже поздно, и мы решили, что пора возвращаться, поэтому в 16.40 развернулись и пошли прочь, не увидев, как мне представляется, ничего сколь-нибудь грозного для такой эскадры, как наша. Хотя городок и оказался сильнее, чем в описании от 1827 г., но ничего сверх ожиданий. И что хорошо: здесь обнаружены два боевых корабля.

В 19.15 мы приблизились к «Облигадо» [французскому бригу], который выдвинулся вперёд от остальной эскадры. Его командир опасался, что неприятель попытается захватить корабль под покровом ночи, либо течение снесёт его в отсутствие ветра, потому он попросил отбуксировать его подальше, что мы и сделали.

В 23.05 адмирал отбыл на борт флагмана эскадры, другие офицеры были развезены по своим кораблям, и мы медленно двинулись вперёд вместе с эскадрой. Ветер – слабый зюйд. Барометры 29,98 и 30,30; термометр 11,1 °C.

**29 августа, вторник**

Всю ночь очень лёгкое дуновение с зюйда.

В 07.00 открылся Маячный утес на норд-норд-вест около 20 миль, также горы Авачинская, Козельский и Жупановский, первая высотой 11 557 футов, вторая – действующий вулкан, хотя никакого дыма мы не разглядели, так как верхушки скрыты облаками; все три покрыты снегом. [*Названия сопок-вулканов перепутаны: Корякский ошибочно назван Авачинским, Авачинский – Козельским, а Козельский – Жупановским.*] Также облака скрывали горы к зюйду от губы, и нам не были видны ни Вилучинский, ни Плоский (Поворотный) [вулкан Мутновская сопка]. Высота первой из них 7 373 фута.

Ветер был хоть и попутный, но очень слабый; мы взяли «Президент» на буксир, намереваясь взять на буксир и «Форт» [французский флагманский фрегат], но едва мы оказались к нему лагом, на «Президенте» подумали, что мы идём слишком близко перед его носом, тогда как он скользит вперёд 3 узла (чересчур быстро для фрегата, буксируемого за кормой), – они отвернули, и буксирные тросы оборвались (в 09.20), чего и следовало ожидать. Тогда французский адмирал [вероятно, не сам адмирал, а командир адмиральского корабля, фрегата «Форт»] сказал, что пойдёт под парусами, поскольку в это время подул ветер. Так же поступил и «Президент», и мы двинулись все вместе – небольшая, красивая и мощная эскадра. В полдень мы были на траверзе Глинистого утёса [м. Опасного], маяк от нас на норд-тень-вест примерно в 10 милях; вскоре после 14.00 мы с ним поравнялись – люди на нем передавали сигналы и выпалили из пушки, предупреждая город.

И вот эскадра входит в губу с попутным ветром в следующем порядке: впереди «Президент», «Вираго» на его левом траверзе (к весту), следом «Пик», «Форт» (и «Облигадо» на его левом траверзе, к весту), «Эвридика» замыкающая. Ничто не мешало нашему продвижению, и эскадре был дан сигнал вступить в бой с неприятелем.

По батареям стояли расчёты, и, миновав Раковую мель, мы увидели трёхпушечную батарею, не замеченную накануне. [Батарея на Красном Яру, № 4]. Теперь мы [«Вираго»] оторвались вперёд от эскадры, и в 15.55 батарея Перешейка С [№ 3 на Лаперузовом перешейке] выпалила в нас ядром, которое упало с недолётом; батареи Сигнального мыса D [№ 1] и 3-пушечная H [№ 4] также обстреляли нас («Вираго»), на что мы ответили тем же. Все их ядра, числом

около дюжины, упали с недолётом; ближайшее – в паре сотен ярдов. Наши ответные 5 или 6 выстрелов тоже не попали, но все эти батареи находились в пределах нашей досягаемости, мы бы вскоре пристрелялись по возвышению и потом отошли бы; но мы были удивлены, увидев, что все корабли отходят и становятся на якорь вне дальности обстрела. В 16.15 получили сигнал прекратить огонь и подойти к адмиральскому кораблю; в 17.00 отдали якорь близ него на глубине 13 саженей. От флагмана вход в губу на S30E, батарея на Сигнальном мысу D – N59E. Все корабли спустили на воду гребные суда, и мы рассчитываем, что завтра в это время город уже будет наш.

**30 августа, среда**

Штиль, прекрасная погода. Рассвело, но мы бездействуем. Французы послали пару гребных судов, и «Пик» послал одно, чтобы заглянуть во внутреннюю гавань, но им пришлось держаться на расстоянии, так что не знаю, что им там удалось разглядеть.

В 08.00 нам сообщили, что вне губы замечен парус, и приказали [«Вираго»] выйти в море; в 09.20 вышли за ворота, но не увидели никого, кроме кита, пускающего фонтаны. Попутно обменялись выстрелами с маячной пушкой, они любезно послали нам три ядра, но все с недолётом; из наших ядер одно легло рядом с пушкой, два других перелетели.

В 10.20 вернулись и доложили адмиралу итоги нашего выхода. Пока начальство совещалось, что делать дальше, мы дрейфовали рядом. Все полагали, что план действий был определён ещё вчера, когда давали сигнал к атаке. Наконец было решено, что сразу после обеда мы пойдём между «Пиком» и «Фортом» с «Президентом» за кормой и отбуксируем их к городу, и что морская пехота с «Президента» и наша десантируются ниже [т. е. южнее] 3-пушечной батареи в точке L и возьмут её с тыла, а корабли будут обстреливать её с фронта.

И вот в 12.30 65 морских пехотинцев, два офицера с «Президента» и 1-й лейтенант с «Пика» прибыли к нам на борт, так что в час пополудни мы стояли борт о борт с «Пиком», с буксиром, поданным на «Президент», и как раз собирались взять к борту «Форт», когда с «Президента» нам крикнули «стоп».

Мы не могли понять, в чем причина. Командир «Пика» убыл на борт [флагмана], чтобы выяснить это. Там как раз был Мур [Льюис Дж. Мур, 2-й лейтенант «Вираго»]; он вернулся

с ужасающей новостью: адмирал прострелил себе сердце и умирает.

Никогда не бывало раньше – и не дай Бог впредь, – чтобы британский адмирал, главнокомандующий, покончил с собой, когда вся эскадра готова идти за ним в битву, к славе и победе.

Морские пехотинцы вернулись на «Президент», а мы остались ночевать лагом к «Пику». Все планы дня пошли кувырком; случившееся в большей или меньшей мере обескуражило всех и охладило всеобщий пыл; да ещё ко всему главнокомандующим теперь стал француз, а мы отошли на вторую роль. Так закончился этот день – день, который хотелось бы вычеркнуть из календаря.

Я сходил на «Пик» и посмотрел – прекрасный корабль, превосходная батарея, главная палуба выглядит воистину блестяще.

### 31 августа, четверг

На рассвете морская пехота с «Президента» снова прибыла на «Вилаго», а когда мы взяли лагом «Форт», с него тоже перешло к нам 50 человек. Затем мы взяли «Президент» на буксир за кормой «Форта». «Эвридика» и бриг «Облигадо» остались на якорях в точках № 8 и № 9 (см. план). С тремя фрегатами («Пик» с левого борта, «Форт» с правого борта и «Президент» на буксире за его кормой) мы двинулись к батарее Сигнального мыса D.

Когда мы оказались в досягаемости, батареи D и H [№ 1 и № 4] открыли прицельный огонь и перебили несколько тросов в снастях «Форта».

Мы хотели поставить корабли в 5 кабельтовых от батареи D [№ 1], но течение снесло нас вниз [к югу], и мы не смогли подойти ближе, чем 6 кабельтовых. Тогда мы отдали буксиры в точках № 1 [«Президент»] и № 2 [«Форт»], а следом «Пик» стал на якоря в точке № 3, примерно в 8½ кабельтовых от 11-пушечной батареи G [№ 2 на портовой кошке]. Перестрелка была очень интенсивная с обеих сторон, но минут через 25 батарея Сигнального мыса D была полностью подавлена; непостижимо, как люди там могли выдерживать обрушившийся на неё огонь. А те снаряды, которые перелетали батарею, полагая, причинили ущерб городу или кораблям.

### Десант [Заголовок Инскипа]

Оставив «Пик», мы повернули влево, к берегу, к точке L, и высадили стрелковую партию без каких-либо препятствий, кроме пары ядер с «Авроры», которые упали близко к шлюпкам.

Мы находились слишком далеко, и рикошетные ядра с «Авроры» или «Двины» не могли серьёзно повредить корабль; другое дело – шлюпки с людьми, поэтому мы отвлекали внимание неприятеля от стрелковой партии и сделали несколько хороших выстрелов по «Авроре» из наших длинных орудий. [*Теперь Инскип называет транспорт «Двина» правильным именем; вероятно, союзники узнали его от русских матросов с захваченного бота с кирпичами, однако продолжали считать корветом.*]

Едва десант отвалил от «Вилаго», расчёты 3-пушечной батареи H оставили её. Наши люди, пройдя с полмили то берегом, то через высокотравье, заняли батарею; пушки были заклёпаны, а прибойники, банники и прочее реквизированы. Это были 32-фунтовые корабельные орудия, очевидно, снятые с «Авроры» или «Двины» с обращённого к берегу борта.

[*Пушки на батарее № 4 были не 32-, а 24-фунтовые длинные, с «Авроры».*]

Пока десантники находились на батарее, два русских корабля им несколько досаждали – несколько ядер упало на батарею, но бойцы уничтожили порох (примерно 250 фунтов), повредили станки, перерубили брюковые канаты и прочее, сбросили одну пушку с обрыва, а потом залегли, и стрелки открыли огонь по неприятелю, намеревавшемуся воспрепятствовать продвижению наших людей.

[*Порох не был брошен защитниками на батарею, а унесён и спрятан в заранее подготовленном месте. Найди англо-французы порох, не стали бы уничтожать, а забрали бы как трофей, но нет.*]

Мы сделали несколько выстрелов по неприятельскому отряду, и они отступили; с наших кораблей было направлено подкрепление численностью около 150 человек. Это было превосходно, и все шло успешно. Капитан морской пехоты Паркер, командовавший десантом, только и ждал, когда фрегаты подойдут и атакуют «Аврору» с «Двиной», заставят замолчать 11-пушечную батарею G, чтобы он мог двинуться вперёд и занять её. Все это время мы принимали на себя почти весь огонь двух русских кораблей и тем спасали людей на берегу; как вдруг, к удивлению нашему и капитана Паркера, стрелковая партия была отозвана. При отходе они, безусловно, подвергались большей опасности, чем все время до того, поскольку садиться в шлюпки пришлось на четверть мили ближе к фрегату и корвету, чем они высаживались. Теперь все внимание русских было приковано к шлюп-

кам, и частый огонь был направлен на них, но не иначе как Провидение позаботилось, что все вернулись невредимы.

Мы также оказались намного ближе к неприятелю, чтобы прикрывать шлюпки (и по другим причинам); ядра летели над нами и рядом со всех сторон. Наконец одно большое ядро угодило нам под левый подзор – вошло, проломив 2 тимберса и транцевую кницу в 6 дюймах ниже ватерлинии, так что мы приняли значительное количество воды, и было слышно, как она хлещет потоком. Поэтому мы решили, что раз уж неприятель по нам пристрелялся, пора выйти из-под обстрела и заделать отверстие, в которое почти полностью вошла 9½-дюймовая пробка, обмотанная сукном и паклей. Судя по всему, это было большое ядро; предполагаю, мы обнаружим его спустя некоторое время.

Огонь с обеих сторон почти прекратился. Только 11-пушечная батарея могла действовать против нас; с батареями D и H было покончено. В четверть первого пополудни мы прервались на обед, рассчитывая, что Петропавловск – фрегаты и все остальное – будет нашим ещё до темноты. Когда корабли вознамерились приблизиться к городу, поднялся благоприятный лёгкий ветер, что позволило идти под парусами.

В 13.20 «Форт» снялся с якоря, – и мы все сказали: «Браво, "Форт"!», – а за ним «Президент» и «Пик». «Форт» красиво прошёл 400–500 ярдов и встал на якорь в точке № 6 – к некоторому нашему разочарованию, ведь мы думали, что он подойдёт ближе, однако вскоре он крепко занялся 11-пушечной батареей G, будучи закрыт Сигнальным мысом от неприятельских кораблей или какой-либо другой батареи.

«Форт» находился от неё [11-пушечной батареи], наверное, в 6–7 кабельтовых, и пушки его опередека [батареиной палубы] почти не производили разрушений, в то время как орудия батареи палили вовсю. Мы все ждали, что и оба наших [британских] фрегата вступят в бой, – было нестерпимо видеть, как французский адмирал сражается, пока наши два фрегата бездействуют. [Вот и французскому адмиралу было нестерпимо видеть бездействие британских союзников! Это вскоре и вызвало его нежелание продолжать боевые действия.] Наконец «Президент», после того, как более часа «Форт» сражался в одиночку, подошёл на ту же дистанцию, что и «Форт», встал на якорь в точке № 7 и открыл огонь. Но к тому времени «Форт» уже в значительной мере подавил батарею. Мы тоже сделали по ней несколько выстрелов, на этот раз соблюдая осторожность, –

ведь три корабля за весь день не подставлялись огню «Авроры» и «Двины», «Пик» только изредка делал выстрелы с безопасной дистанции. Огонь 11-пушечной батареи G ослабел, поскольку им явно не хватало пороха. Мы видели, как человек носит порох; выпалив 2–3 картуза, им приходилось ждать, пока он принесёт ещё. Кроме того, мы видели небольшой взрыв на батарее, словно воспламенились несколько пороховых зарядов.

В 15.10 перестрелка прекратилась совсем, и все на «Вираго» считали, что теперь самое время трём фрегатам двинуться вперёд, особенно «Пику», который имел бомбы Мурсома\* для действия по кораблям; нам казалось, что «Форт» с «Президентом» затем и подавили 11-пушечную батарею, чтобы «Пик» смог справиться с «Авророй» и «Двиной». Однако нас ждало разочарование. [\*Изобретение Уильяма Мурсома – артиллерийский снаряд (граната или бомба) с контактным способом подрыва.]

Как раз тогда я подумал, что еще час – и все будет кончено, ведь все шло так гладко, мы действовали пусть медленно, но верно... И в этот момент мы получили команду отбуксировать «Форт», а «Президент» начал верповаться прочь от берега. «Пик» стоял далеко, батареи уже не стреляли, так что ему там ничто не угрожало. Мы долго тащили «Форт» на буксире, при этом Перешеечная батарея С выпалила в нас; обе наши кормы [«Вираго» и «Форта»] были вполне досягаемы для одной из её пушек. Наше длинное кормовое орудие заставило её замолчать; мы подождали, потом, наконец, тронулись с «Фортом» за кормой и в 18.45 поставили его на достаточном удалении; другие корабли подошли туда же в 18.50; мы отдали якорь на 12 саженьях.

Людских потерь на борту не было, такелаж в целости. 3–4 рикошетных ядра попало в корпус – помимо того, что прошло борт. «Президент» повреждений не получил. «Пик» имел 6–7 попаданий в корпус, один снаряд вошёл в штурец и разбросал мелкие осколки, также перебито несколько снастей. У «Форта» 16 или 17 ядер в корпус, из которых 6 или 7 прошли в надводную часть, одно смахнуло половину прислуги карронады, одного человека убив, а ещё пятерых или шестерых лишив ноги либо руки, также сбито несколько снастей. Все это, учитывая, что путь к фрегату и корвету расчищен (ну, или почти) – на диво лёгкие потери.

#### 1 сентября, пятница

Погода очень приятная. До полудня мы буксировали «Пик» и «Президент» подальше в губу.

«Форт» тоже отошёл: говорили, что французский адмирал решил больше не атаковать город; почему – совершенная для меня загадка. Наши корабли практически не повреждены, людских потерь, кроме как на его собственном корабле, нет. «Эвридика» и «Облигадо» даже выстрела не сделали. Похоже, им с первого взгляда овладела странная идея, что город слишком силён, и командир «Эвридики» думает так же. Это то, что я слышал.

В 14.30 мы приняли на борт останки покойного адмирала; также к нам прибыл кэптен Барридж с несколькими офицерами с «Президента», и «Вираго» отправился на другую сторону губы в Тарьинскую гавань, примерно в 10 милях.

Вход в эту великолепную гавань шириной больше мили и не таит опасностей, он лежит на SW½W от Петропавловска. В её западном конце лежит небольшой островок [*скорее уж в южном конце; ныне остров Хлебалкин*]; мы отдали якорь на 10 саженях между ним и южным берегом гавани. Вся местность живописно поросла лесом, а мыс, ближний к островку, выглядит чистым [*от леса*]; он и выбран местом погребения.

Вырыли могилу, и останки британского адмирала были преданы земле без каких-либо церемоний сверх минимальных приличий. Капеллан с адмиральского корабля прочёл заупокойную, а на дереве в изголовье могилы вырезали: «Д. П. 1854». Какой печальный финал карьеры человека, который мог бы снискать лавры для себя, честь для всех, кто был под его началом, и существенную пользу для своей страны – если бы он только обладал достаточным моральным мужеством для столь высокого и завидного поста, как английский главнокомандующий.

Здесь же, на южном берегу неподалёку от корабля мы обнаружили нескольких человек. Коммандер Коннолли отправился выяснить, кто они, а заодно посмотреть ручей – утолит ли он потребность кораблей. Ручей оказался вполне подходящий, а люди были девятью американцами, которые рубили здесь дрова, чтобы заработать на проезд до Гонолулу. От этих людей мы получили ценные сведения о силах и укреплениях Петропавловска. Двое из них вызвались отправиться на «Президент», и в случае необходимости быть проводниками для десантной партии, если мы её высадим – словом, оказать любую посильную помощь. В 18.30 пополудни мы снялись и в 20.10 отдали якорь рядом с другими кораблями. Вся эскадра гадала: возможно ли такое, что информация, которую

дадут эти люди, подвигнет адмирала предпринять ещё одну попытку?

Они заверили нас, что людей в городе наберётся не более 1000, и много цинготных. «Однако, – сказали они, – вам следовало бы прийти сюда шесть недель назад, или хотя бы четыре, когда не было и половины батарей, боеспособных и строящихся, не было и "Двины", а она привезла сюда 300 человек». Нас тут ждали и приложили все усилия, чтобы укрепить место и обезопасить корабли – и, к их чести, время не потеряно даром.

О драгоценные, бесцельные дни и невозвратимое время, вместо плаванья потраченное на совещания, когда пролетал попутный ветер, и сияло солнце! Когда минуты были бесценны, мы разбрасывались часами; я не в силах смолчать – это кажется совершенно необъяснимым.

## 2 сентября, суббота

Очень приятная погода. День прошёл в переговорах – не знаю как, только ничего похожего на захват города не сделано. Чувства на обеих эскадрах выражались весьма вольно – не желаю слышать такого когда-либо ещё.

## 3 сентября, воскресенье

Погода очень хорошая. Мы намеревались после обеда буксировать все корабли в Тарьинскую за водой. Но все изменилось после убедительного письма, написанного английским кэптенем французскому адмиралу, – о том, что город можно взять, не прилагая новых усилий, и что от его решения всецело зависит, будет ли это сделано. Так что поход эскадры в Тарьинскую был отложен.

Все это время мы видели, как неприятель тихо, но деятельно восстанавливает 3-пушечную батарею *H*, приводя два орудия в готовность к новому штурму нашей морской пехоты, если мы соизволим начать всю работу сызнова. Мы фактически даём им время перевести дух и исправить ущерб, и в их глазах это, должно быть, выглядело очень странно (как и в моих). Плотник весь день в работе – заделывает дыру в подзоре и другие попадания.

Вечером стало известно, что мы должны будем взять на борт 700 человек и отбуксировать «Президент» и «Форт» к Перешеечной батарее *C* и к той, что у неприятеля на правом фланге *B* [5-пушечная батарея № 7 на Озерновском пляже]. И когда они будут подавлены, мы должны высадить людей на берег и попытаться взять город с тыла, пройдя ложиной.

**4 сентября, понедельник**

В 03.30 снялись с якоря и подошли лагом к «Президенту», затем к «Форту»; потребовалось время до 06.45, чтобы как следует пришвартоваться к левому борту «Форта». «Президент» взяли на буксир кормой и приняли на борт всю десантную партию, примерно 800 человек\*, среди которых наши 16 морских пехотинцев (все, что есть) и 59 матросов с кочегарами, итого 75. С этим живым грузом и двумя фрегатами мы двинулись к Перешеечной батарее С. [*\*Тут Инскип слегка приврал: десант насчитывал 700 человек. Но не маловато ли, если американцы ска-зали, что защитников порта – тысяча? Изумительная самонадеянность.*]

Едва мы оказались в дистанции досягаемости, она открыла прицельный огонь; почти каждое ядро калечило такелаж и рангоут «Фор-та». У «Вираго» был открыт для обстрела только нос, остальную часть закрывал фрегат. Одно из их ядер пробило усиленный пояс фальшборта прямо над ватервейсом, расщепив подставку станка 32-фунтовки правого борта и боковые талевые блоки, оставив большую вмятину на палубе, затем перескочило через левый кожуховый бот на другом борту, при этом осколки фальшборта попали в руку юнги-картузника, чуть не сломав её. [*Юнги обычно выполняли роль подносчиков пороховых картузов, бегая с ко-корами от орудий к крют-камере и обратно; в Королевском флоте их шуточно называли «обе-зьянами».*] Мы дали выстрел из носового орудия; оба фрегата открыли огонь, как только сумели навести пушки; «Форт» хлестнул по перешейку тяжёлым бортовым залпом, проходя мимо на расстоянии около 600 ярдов. Затем «Президент» занял позицию в точке № 10, и спустя примерно 20 минут одна пушка была сброшена, а ме-сто [*батарейная площадка*] истерзано в клочки, и ни одного больше выстрела оттуда не было.

Мы же, отдав буксир «Президента», про-следовали к 5-пушечной батарее В, обменялись с ней выстрелами; в дистанции около 700 ярдов от неё «Форт» отдал буксир и стал на якорь. Он обрушил ураганный огонь, под которым уце-леть было невозможно, и батарея вскоре замол-чала. Тогда гребные суда с десантниками пошли к берегу, и все как будто шло хорошо. Главное командование высадкой принял капитан Бар-ридж [*командир фрегата «Президент»*], там же был и командир «Эвридики» [*капитан де Ла Грандьер*]. Десант высадился на пляж правее ба-тарей В, в точке М; немногочисленные русские стреляли из кустов, но ни в кого не попали.

Зрелище было воодушевляющее и захваты-вающее: моряки строились на пляже, а морские пехотинцы уже взбирались по холму; потом вся масса людей двинулась. Не более 120 ярдов [*110 м*] отделяло их от оставленной батареи (В), и вот уже над ней полощутся французский и ан-глийский флаги.

Несколько минут спустя я заметил лю-дей, бегущих по пляжу со стороны перешейка; сперва я не мог понять, кто они такие, но когда увидел в кустах на холме 20–30 русских, кото-рые стреляли сверху по бегущим, и один или два из тех упали, больше не было сомнений, что отступают кто-то из наших. Это казалось непо-стижимым; мы не могли понять, что там проис-ходит; крики «ура!», ружейная пальба и время от времени пушечные выстрелы – все, что мы могли разобрать.

Вскоре от берега отошли две шлюпки с ра-ненными; затем стрельба на холме усилилась, и шлюпки отошли подальше из-под пуль, неко-торые наши отстреливались. Все это очень на-стораживало, но поскольку основная масса де-санта была скрыта от наших глаз, мы искренне надеялись, что дело идёт хорошо. Однако через несколько минут мы увидели людей, отступаю-щих во всех направлениях в большом замеша-тельстве, тогда как пушка за холмом усилила огонь, и неприятель на холме, похоже, перехва-тил инициативу.

Тогда «Вираго», «Форт» и «Облигадо» (кото-рый как раз подошёл и встал на якорь близ бере-га) открыли огонь по людям в кустах на верши-не холма. Я отчётливо видел, как они заряжают, целятся и стреляют по нашим в шлюпках и на пляже, а среди тех мгновенно возникло замеша-тельство. Кучка французов и несколько англи-чан сформировали группу прикрытия перед бруствером 5-пушечной батареи В, чем оказали отступающим хорошую услугу – фактически спасли очень многим жизни и конечности; на мой взгляд, трудно переоценить их героизм.

Барказ с «Пика» также помог, стреляя из своего орудия по полевой пушке, хотя, стыдно сказать, офицер добился помощи лишь одно-го-двух человек – таковы были паника и раз-брод. Не бывало бегства более дружного, и если бы не два вышеназванных обстоятельства и не наша стрельба по холму, очень много людей полегло бы убитыми и ранеными в шлюпках и на берегу, поскольку неприятель имел полевую пушку, бьющую на 300 ярдов. [*Судя по расска-зу Инскипа, русская 3-фунтовая полевая пушка очень впечатлила десантников. Сам Инскип*

*не мог видеть этой пушки с борта «Вираго»: не вела она перестрелку с барказом, и Паркера убила не она.]*

Спустя два часа как шлюпки отошли от кораблей, они вернулись, оставив на берегу 40 человек, в том числе Паркера, капитана морской пехоты, убитого выстрелом из проклятой полевой пушки, – могу сказать, он был жизнью, душой и вожаком отряда. Также и двух лейтенантов с «Эвридики», и мичмана с «Облигадо». [*Лейтенант Лефевр погиб и остался на берегу, лейтенант Бурассе смертельно ранен в шлюпке и скончался на борту корабля; мичман Шарль-Огюст Жикель де Туш погиб и остался на берегу.*] Помимо тех, кого видели (за редким исключением) убитыми, 120 человек были ранены, из них 5 умерли вскоре по возвращении на борт, ранения некоторых были смертельны, многих – очень тяжёлые. Среди раненых мистер Уайтлок, наш боцман (потерял указательный палец левой руки), 2-й лейтенант и флаг-лейтенант с «Президента», французский врач и мэйт с «Облигадо», мичман с «Пика», 1-й и 2-й лейтенанты морской пехоты с «Пика» и множество младших чинов. [*Мэйт – офицерское звание в Королевском флоте тех лет, между мичманом и лейтенантом. Во французском флоте мэйтов не было.*] Морские пехотинцы, безусловно, пострадали больше всех – они и выполнили ту часть задачи, которая была выполнена, и если бы «синих рубах» [*blue jackets*] – прозвище британских матросов] заставили поддержать морскую пехоту, а не позволили им разбрестись и рассеяться, у нас была бы победа, а не поражение.

Я лишь излагаю те сведения, что смог собрать от разных источников, и все они, надо сказать, согласуются в том, что в то время как люди строились на пляже, они не держались вместе, но им позволили сгрудиться на батарее В, и очень немногие двинулись за морской пехотой. Люди с «Вираго» и «Облигадо» получили приказ подняться на скалу близ места, отмеченного на плане цифрой 15, почти отвесную, настолько, что многие не смогли взобраться, а кто сумел, выбились из сил, не имели указаний что делать, и не могли найти, кто бы распорядился. [*Это отряд в 120 человек, двинувшийся от точки высадки берегом в сторону Лаперузова перешейка. Не доходя до разрушенной батареи № 3, они взобрались на Никольскую сопку на соединение с основными силами. Маневр в целом удался, но никакой выгоды союзникам не принёс.*] Несколько человек были застрелены русскими в высокой траве и кустарнике, покрывавшими

холм; все люди разбежались, из четырёх офицеров морской пехоты убиты либо ранены были трое, также и все сержанты, кроме одного, и несколько капралов. Никого из «синих рубах», кто бы их поддержал, только несколько оставших там и сям, искавших кого-нибудь, кто бы их направил. Все гадали – где же основные силы и командир партии? Только и оставалось их искать; наконец их обнаружили садящимися в шлюпки и отваливающими прочь. Отставшие бросались с обрыва либо спускались как попало, многие пострадали от камнепада и от русских, которые уже полностью овладели холмом и стреляли оттуда.

Таков отчёт, что я смог составить по рассказам участников и что полностью согласуется с тем, что я видел с корабля. Люди, которых я первых увидел бегущими по пляжу, были из числа тех моряков с «Вираго» и «Облигадо», что не смогли взобраться на обрыв. Нет смысла перечислять множество запоздалых предложений, что следовало бы сделать, но все, кого я слышал, сходятся в том, что если бы мы только продолжили наступление, русским пришлось бы отступить, и город был бы наш; что мы собрали бойцов больше, чем неприятель, и ему нечем было противостоять нашей объединённой атаке. [*Чересчур самонадеянное предположение. Инский вроде бы штурман и привык дружить с цифрами, но у него 800 почему-то больше, чем тысяча.*]

Много русских было убито; на 5-пушечной батарее В было 12 или 14 мёртвых; не сомневаюсь, что много пострадало и на Перешеечной батарее С. По рассказам, ещё больше погибли от наших пуль; далее, в первый день батареи Сигнального мыса D и 11-пушечная G, как мы видели, возмещали потери людьми с кораблей, так что я не сомневаюсь, что их потери равны нашим, если не больше. [*В действительности – меньше*]. Наши люди уничтожили большое количество пороха на батарее В, около 12–13 квинталов [600–700 кг – слабо верится], сбили цапфы пушек, посекли станки и проч. Одна пушка разбита ядром, попавшим в дуло. Сарай, полный рыбы, сожжён бомбой с «Форты». На «Форте» сегодня убитых нет, лишь несколько раненых. На «Президенте» убитых двое и несколько раненых, некоторые из них с «Пика». «Пик» передавал часть своих людей на «Президент», чтобы заменить тех людей с «Президента», что отправились на берег; на «Пике» оставалось только 38 человек под командой 2-го лейтенанта.

Результат двух дней сражения, насколько я могу судить, таков:

«Форт» – 7 убитых, 14 раненых;  
«Эвридика» – 10 убитых, 25 раненых;  
«Облигадо» – 10 убитых, 23 раненых;  
«Президент» – 12 убитых, 26 раненых;  
«Пик» – 13 убитых, 36 раненых;  
«Вираго» – 3 убитых, 15 раненых.

Итого 55 убитых, 139 раненых. Всего 194, из них 6 смертельно раненных.

*[Данные во многом неточны; впрочем, это зависит от того, в какой момент Инскип делал пометки для своих дневниковых записей.]* [3].

«Президент» вытравил кабельтов и отошёл под малыми парусами; бриг [Облигадо] сделал то же самое около 11.00, а мы в это время буксировали «Форт», оставив его барказ вытаскивать кабельтов с якорем, – благо он лежал вне досягаемости ружейного огня. У нас на борту было человек 60 раненых, включая наших собственных, что придавало нам вид скотобойни. Стоны страдальцев и кровь из их ран по всему квартердеку и в палубах были поистине ужасны. Ужасы войны предстали нам воочию, и пусть это подвигнет нас исто-во молиться о мирном благоденствии. В 11.45 поставили на якорь «Форт», затем отправили всех раненых по своим кораблям, а в 13.10 сами встали на якорь на 12½ саженьях усталые, измученные треволнениями и разочарованиями перипетий дня, который, я уверен, мог обойтись без таких больших потерь и закончиться совсем иначе.

#### 5 сентября, вторник

Штиль, прекрасная погода.

Утром в 05.50 отправились в Тарьинскую гавань с телами трёх англичан и трёх французов, умерших после вчерашнего боя; также взяли на буксир барказы всей эскадры для забора воды. *[Мёртвых тел было не 6, а 11: 6 британских матросов и морских пехотинцев, 4 французских и французский лейтенант Александр Бурассе.]*

В 07.20 отдали якорь на 9 саженьях. Похоронная команда сошла на берег и предала земле шестерых человек рядом с адмиралом. Поставили два креста, краской написали на одном «Англичане», «Покойтесь с миром»; на другом – «Французы», «Покойтесь с миром».

В течение дня мы приняли 14 тонн воды *[тонна = 210 галлонов = 954,126 л]*, заполнили все барказы, а также большое количество дров для машинного отделения, что нарубили американцы. Оставленные здесь при прошлом посещении, они приняли решение отправиться с нами и отработать путешествие до Сан-Фран-

циско, так что мы забрали их вместе с пожитками. Закинув невод, вытянули неплохой улов рыбы, в том числе один лосось, прочее – пикша. *[Не пикша, конечно, а навага и минтай. Всего один лосось? – «неплохой улов»? Несерьёзно даже по нынешним временам.]*

Только после 20.00 мы были готовы отправиться обратно; в Авачинской губе нас встретил умеренный зюйд-ост и зыбь, вынуждавшая идти медленно из-за гружёных барказов за кормой.

К ночи холодно и сыро; в 22.30 встали на якорь с эскадрой, барказы разошлись по своим кораблям.

#### 6 сентября, суббота

На эскадре говорили об отплытии, но погода скверная, ветер зюйд-ост, поэтому остались ждать улучшения.

Пополудни ветер стал отходить на ост, но погода была ещё очень хмурой.

Около 16.30 за воротами губы замечены два судна; мы ждали, что нас пошлют посмотреть, что это за суда, но по каким-то причинам, нам не ведомым, такого приказа не последовало. Эскадра ограничилась тем, что спустила национальные флаги – как будто сигнальщик на маяке, который, как мы видели, всегда был начеку, мог не предупредить русское судно о присутствии неприятеля в губе. Словом, мы не вышли, и ни одно из судов не вошло. *[В этот день к воротам Авачинской губы подошли бот № 1 и шхуна «Восток». Получив предупреждение с маяка, удалились. Другие англо-французские источники о замеченных судах молчат.]*

Люди на берегу усердно трудились, спешно возводя амбразуры на Перешеечной батарее в ожидании новой атаки и для защиты своих кораблей. Ведь взобравшись на днище нашего кожухового бота *[бот, хранящийся на кожухе гребного колеса]*, мы могли видеть бушприт «Авроры», стоявшей в самой соблазнительной позиции для всякого корабля, желающего обстрелять её, и «Двину» у неё за кормой. Но эта возможность уничтожить их была упущена в тот час, когда всё, что нужно было фрегатам (после того, как «Президент» подавил Перешеечную батарею), – спокойно встать на якоря и вести огонь через перешеек по двум русским кораблям. Их спущенные мачты были бы прекрасным ориентиром для стрельбы, а у них не было ни единого орудия, чтобы огрызнуться в ответ. *[Хороша или плоха эта идея, но пришла она в голову союзникам только после проигран-*

ного сражения.] Русские, очевидно, видели это своё слабое место, а теперь мы лишь смотрим, как они там все исправляют.

#### 7 сентября, четверг

Лёгкий благоприятный ост-норд-ост, корабли могут выйти в море. Небо в тучах, дождь.

В 06.20 снялись и вышли под парами.

Эскадра выходила безукоризненно, пушка с маяка не стреляла. [По иным свидетельствам, стреляла – возможно, давала сигнал о выходе эскадры в океан.]

Не успели мы отойти от входа, как заметили два паруса – один к зюйду, другой к норд-осту, с наветра. Нам был дан сигнал – преследовать второй, мы поначалу никак не могли опознать его тип; вся остальная эскадра погналась за первым, оставив нас в одиночестве.

Вскоре мы увидели небольшое судно (а то, за которым пошла эскадра, как мы видели, было кораблём). В 10.15 пустили ядро перед носом шхуны под русским флагом; она тут же убрала паруса и спустила флаг. Лейтенант Мур поднялся на борт и узнал, что это казённая шхуна «Анадырь» с Камчатки, шедшая в Петропавловск с лесом для постройки двух канонерских лодок [gunboats]. Командовал ею русский штурман [2<sup>nd</sup> Master] с подштурманом [Masters Assistant] и кадетом, плюс 18 нижних чинов, русский купец – пассажир и одна дама. Судно водоизмещением около 80 тонн, возрастом 1 год и хорошо оснащённое. Офицеры и команда – все с «Двины» или «Авроры». [Ошибочное умозаключение Дж. Инскипа.] В 11 часов взяли его на буксир и пошли за другими кораблями.

«Президент» вышел вперёд и возглавил погоню. Погода несколько прояснилась, а ветер ослаб, так что мы настигли их довольно быстро.

В 12.15 отдали буксир шхуны и включились в погоню без неё.

В 13.20 «Президент» выпалил из пушки, и погоня прекратилась.

В 13.40 мы были с эскадрой, вернулись к «Анадырю»; в 14.20 снова взяли его на буксир и привели к эскадре.

Судно, что захватил «Президент», – красивый корабль водоизмещением порядка 600 тонн. Это приятный пустячок, а для Петропавловска неприятность, потому что его груз – 10 тыс. фунтов пороха, помимо муки и прочих припасов для города. Маленький «Анадырь», несомненно, тоже потеря, ведь это судно было предназначено разносить по побережью новости, собирать людей и т. д.

Мы продолжали ходить туда-сюда с полудня до вечера и всю ночь, поскольку почти все время был штиль. Когда захватили «Анадырь», маяк был от нас милях в 5 на норд-ост, так что им оттуда было видно все происходящее. И хотя я не знаю, видели ли они захват второго судна, но погоню за ним видели и результат понимали.

#### 8 сентября, пятница

Держались вместе с эскадрой. До полудня обчищали «Анадырь»; каждый хватал, что мог.

Погода прояснялась; мы видели Виллючинскую гору и ту, что на карте названа «Плоская» [вулкан Мутновская сопка], хотя её имя «Поворотная», она же зовётся «Гаварей».

В 15.30 бедную маленькую шхуну обобрали до нитки, и мы предали её огню.

В 16.00 «Президент» взял нас на буксир, и мы отправились прочь от этой злосчастной земли в Эсквимальт [город на южной оконечности острова Ванкувер].

Ветер зюйд, облачно, дождь.

«Ситха» (второй приз), на которой была команда с «Президента» и «Пика», идёт с нами [т. е. с эскадрой] [4].

*P. S. от переводчиков. Те, кто предпочитает воспринимать информацию на слух и с картинками, может найти в сети видеоролик «Как англичане штурмовали Петропавловск-Камчатский. Дневник английского моряка» на историческом канале Arthur Diodand. Хотя Артур и взял текст перевода без спросу, переводчики оценивают его работу как достаточно профессиональную и общественно полезную; ролик собрал 104 тыс. просмотров и много откликов.*

1. Inskip G. H. Journal of George Hastings Inskip (Master 1854, fl 1846–1867), HMS VIRAGO, 1851–1855. (Original held by Provincial Archives of British Columbia).
2. Завражный Ю. Забыть адмирала! : ист. исследование с размышлениями. Версия 3-я, испр., доп. и перераб. СПб. : Изд-во С. Ходова, 2025. 495 с. Книга, помимо художественной и аналитической части, включает в себя подборку первоисточников по Петропавловскому бою. План штурмана Инскипа помещен на странице 62.
3. Анализ потерь англо-французской эскадры см.: Завражный Ю. Забыть адмирала!.. С. 377–392.
4. Судьба русских пленных, захваченных союзниками на корабле «Ситха» и шхуне «Анадырь», описана в статье: Калмыков П. Семен Удалой – герой и легенда // «Гордиться славою своих предков» : материалы XXXVII Крашенинник. чтений. Петропавловск-Камчатский, 2022. С. 108–115.